

W. V. Vereschagin
Художникъ В. В. Верещагинъ.

на Кавказе
НА СѢВЕРНОЙ ДВИНѢ.

ПО ДЕРЕВЯННЫМЪ ЦЕРКВАМЪ.

СЪ ФОТОТИПИЯМИ.

III приложеніе къ каталогу картинъ В. В. Верещагина.

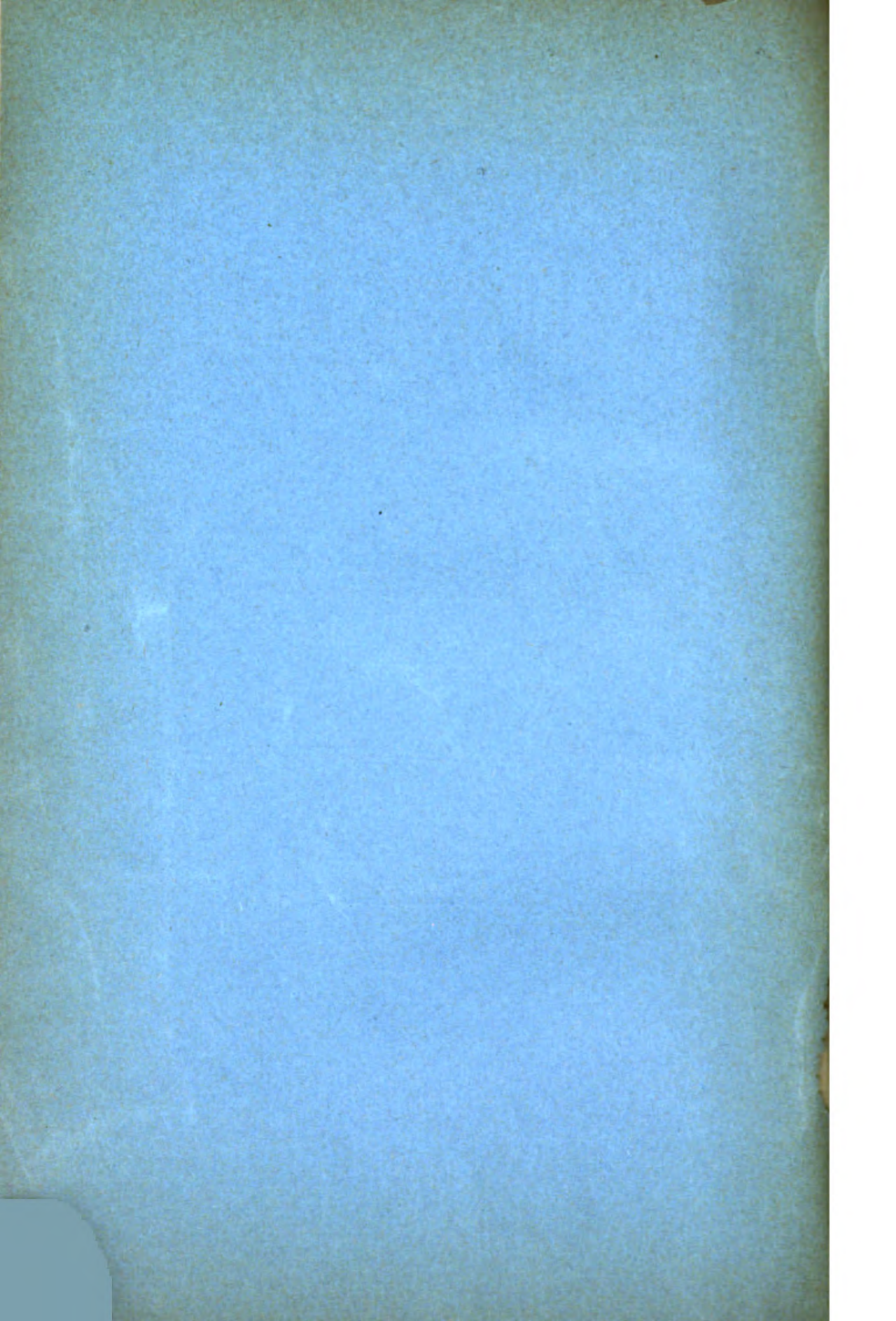
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко,
Пименовская улица, соб. домъ.

1896.

To my friend Jeremiah Curtin
V. V. Vereshchagin
Художникъ В. В. Верещагинъ.

W. Vereshchagin

Moscow the 2/15 Jan. 1901.

НА СѢВЕРНОЙ ДВИНѢ.

—o—c—

ПО ДЕРЕВЯННЫМЪ ЦЕРКВАМЪ.

СЪ ФОТОТИПИЯМИ.

III приложеніе къ каталогу картинъ В. В. Верещагина.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типо-автографія Высочайше утв. Т-ва И. М. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1896.

Harvard College Library
Sept. 8, 1918
Bequest of
Jeremiah Curtin

slav 4356.7.31

Дозволено цензурою. Москва, 15 ноября 1895 года.

По деревяннымъ церквамъ, на Сѣверной Двинѣ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Мнѣ давно хотѣлось поближе ознакомиться съ деревянными церквами на сѣверѣ, изъ года въ годъ безцеремонно разрушаемыми; чтобы осмотрѣть тѣ, къ которымъ не нужно трястись по проселкамъ, на телегѣ, я рѣшилъ построить себѣ барку и на ней спуститься до Архангельска, останавливаясь по Сѣверной Двинѣ не только тамъ, гдѣ пристають пароходы, но и гдѣ Богъ на душу положить—гдѣ постройки или мѣстность окажутся почему-либо интересными.

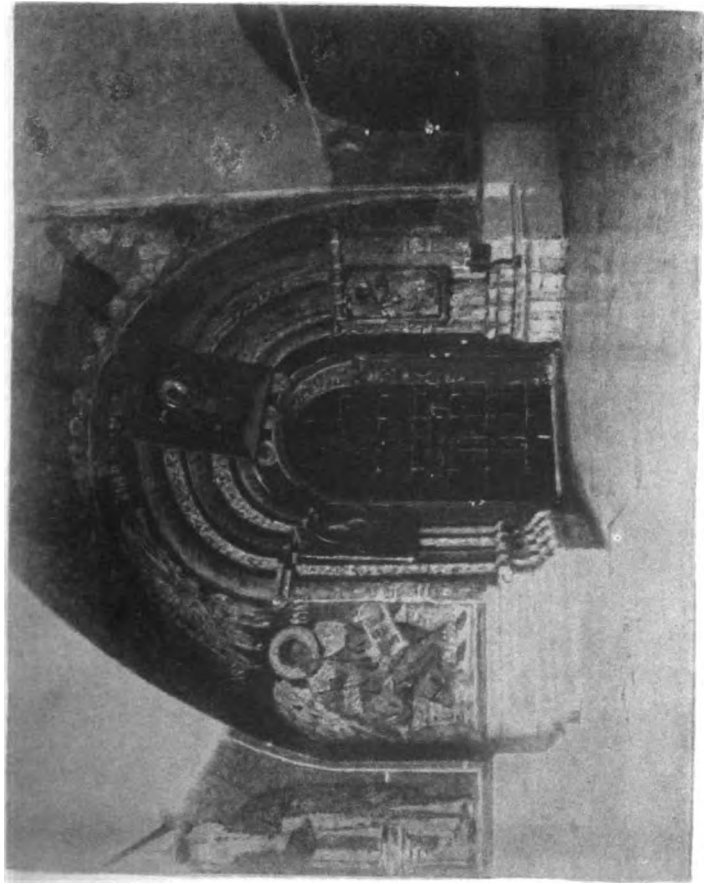
Лоцманы парохода, на которомъ я ѣхалъ, дали указанія, гдѣ удобнѣе заказать барочку: одинъ совѣтовалъ обратиться къ Смирнову въ Устюгъ, другой предложилъ, «самое лучшее», попросить объ этомъ одного душевнаго человѣка—Зотія Ивановича Фофанова, довѣреннаго большого Архангельскаго торговаго дома—«я служилъ у него, знаю его, хорошій человѣкъ, безпремѣнно сдѣлаетъ; въ зырянахъ закажетъ, онъ туда часто ѣздитъ. Они теперь дома, какъ разъ застанете ихъ».

Такъ какъ З. И. Фофановъ живетъ въ Сольвычегодскѣ, то я вышелъ на первой станціи, въ Ускорѣ, и оттуда, на наемной тройкѣ, махнулъ въ этотъ городъ—благо онъ всего въ 30-ти верстахъ—къ указанному «душевному человѣку», оказавшемуся именно такимъ: любезно выслушалъ, согласился и общалъ къ будущей веснѣ выстроить въ Яренскѣ маленькую барку-яхту. Изъ Москвы я дополнилъ мои указанія и въ половинѣ мая 94 года нашелъ лодку пригнанною въ Сольвычегодскъ.

Пришлось не мало повозиться еще съ устройствомъ самаго необходимаго для болѣе или менѣе комфортабельнаго плаванія: кровати съ пологомъ, съ полочками, шкафчиками, пришлось устроить сѣтки въ окнахъ отъ комаровъ, поставить двѣ печи, одну внутри для согрѣванія каюты, другую снаружи—для кухни. Такъ какъ я намѣровался ѣхать съ женою и ребенкомъ, то понадобилось устроить на палубѣ перила, а помѣщеніе внутри обить плотною матеріей.

Сольвычегодскъ такой маленькій городокъ, что въ немъ почти ничего нельзя достать: якорь и паруса заказали въ Устюгѣ, печку купили на баркѣ, развозящей произведенія какого-то чугуннаго завода. Съ грѣхомъ пополамъ—что изъ лавокъ, что по знакомству—раздобылись всѣмъ нужнымъ, и когда главное было готово, я, вызвавши изъ Москвы жену съ нашею трехлѣтнею дѣвочкой, вступилъ въ командованіе маленькою яхтой.

И въ голову не могло, конечно, придти, что въ самую

Входные врата Сольвычегодского собора.

последнюю минуту нельзя будет достать картофеля, муки и т. п. необходимѣйшихъ вещей—ихъ нѣтъ въ городѣ въ продажѣ, иначе какъ въ базарные дни. Кое-какъ, однако, съ помощью того же благодѣтеля З. И. и его добрѣйшей супруги, раздобылись всѣмъ понемногу: кислую капусткой, сухариками и проч., и 25 мая, поднявши парусъ, отплыли по рѣкѣ Вычегдѣ, впадающей въ Сѣверную Двину.

Пока барка тихо двигается — нѣсколько словъ о Сольвычегодскѣ.

Когда-то при Строгановыхъ это былъ городъ: отсюда эти именитые люди снарядили и отправили на поиски въ Сибирь Ермака, распорядившагося потомъ немножко воровски, ударившаго челомъ покоренными землями не пославшему его, а царю Ивану. Впрочемъ, атаманъ прислалъ «хозяину» много мѣховъ и самоцвѣтныхъ камней—не малое число послѣднихъ до сихъ поръ красуется на ризахъ иконъ сольвычегодскаго собора.

Теперь въ Сольвычегодскѣ около тысячи человѣкъ жителей. На высокомъ мѣстѣ, когда-то обнесенномъ высокимъ тыномъ, противъ собора, противъ строгановскаго дворца и службъ—теперь маленькіе домишки, въ одномъ изъ которыхъ и мы жили.

Между прочимъ, на огородѣ хозяина нашей квартиры весенняя вода ежегодно вымываетъ изъ земли по нѣсколько десятковъ эмалевыхъ пуговицъ и такъ какъ намъ приносили по нѣскольку пуговицъ слитыхъ вмѣстѣ, еще не распиленныхъ и не залитыхъ эмалью,

я заключилъ, что тутъ, вѣроятно, онѣ и дѣлались, тутъ были мастерскія этого рода вещей. Эмали строгановской работы хоть и не такъ богаты, какъ московскія, но такъ же, какъ живопись и шитье золотомъ, очень цѣнятся и по сольвычегодскимъ церквамъ, особенно въ соборѣ, много образцовъ этихъ искусствъ: тамъ вѣнцы къ ликамъ на иконахъ и цаты къ нимъ, работанные эмалью по серебру и мѣди, прекрасно сохранились до сихъ поръ. Есть вещи, какъ паникадила и чашки, крытыя сплошь эмалью.

Теперь даже тѣса нельзя достать въ Сольвычегодскѣ и я, выбравши весь наличный запасъ у милѣйшаго З. И., принужденъ былъ выпрашивать по нѣсколько досокъ у разныхъ лицъ. А вѣдь есть въ Сольвычегодскѣ и богатые люди, наприм., наслѣдники сибирскаго богача-филантропа Х—ва, но они держатъ свои процентныя бумаги въ сундукахъ, исправно отрѣзая купоны и издерживая изъ нихъ малую часть на проживаніе, остальное приобщаютъ къ капиталу. Одинъ изъ этихъ Х. торгуетъ виномъ, другой мелочью: леденцами, чаемъ, тарелками, горчицей, да и то спустя рукава, такъ что сплошь и рядомъ перловая крупа есть, а рисовой нѣтъ, стаканы есть, но блюдечекъ нѣтъ—«скоро будутъ» и т. п. Третій Х. только молится Богу—и то хорошо.

Мы выѣхали подъ вечеръ въ безвѣтріе, такъ что парусъ почти не надувался, и тихо стали спускаться по рѣкѣ Вычегдѣ; но вдругъ вспомнили, что забыли нашу маленькую лодочку, предназначенную для съѣз-

довъ на берегъ и небольшихъ экскурсій въ стороны; чтобы снова не притыкаться къ берегу, я спустилъ одного изъ нашихъ молодцовъ въ лодку по близости работавшихъ рыбаковъ—они доставили его въ Сольвычегодскъ, и малый скоро догналъ насъ на веслахъ нашей «душегубки».

У меня трое людей: двое Гаврилъ и одинъ Андрей — народъ, привыкшій къ водѣ, служившій на баркахъ, плотяхъ и пароходахъ. Андрей, какъ болѣе услужливый, состоитъ въ должности нашего драбанта: чистить платье, убираетъ каюту, готовить кушанье, но поспѣваетъ и на верхъ, къ случаямъ постановки паруса, снятія съ якоря или прохода опаснымъ мѣстомъ. Это самый покладистый изъ троихъ. Гаврила меньшей опытенъ по рѣчному плаванію и можетъ работать, но лѣнивъ и сонливъ, при этомъ и грубоватъ; послѣднее, впрочемъ, смягчается наивностью. Гаврила большой—на рѣдкость лѣнтая и соня; разъ или два, въ опасныя минуты, въ немъ просыпалась энергія и сказывался исправный рулевой, но обыкновенно онъ представлялъ изъ себя ходячую сонную машину: раньше всѣхъ ляжетъ, позже всѣхъ встанетъ, да и днемъ храпитъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Еще на берегу я замѣтилъ болѣзненную склонность нашего «старшбого» къ отдыху и спу и спрашивалъ почтеннаго З. И.: полно, ужъ брать ли его, можетъ ли быть хорошимъ рулевымъ такой сонный тетеревъ, по Ф. отвѣтилъ буквально по половицѣ: «хоть и дереть, за то ужъ въ ротъ хмель».

ного не беретъ» — за него, говорить, ручаюсь, что не напьется и не забудитъ, а за другого не поручусь. Мы взяли Гаврилу, но потомъ покалялись.

Впечатлѣніе движенія по гладкой поверхности рѣки очень пріятное: ярко освѣщенное небо, перерѣзанное темнозелеными полосами растительности, отражалось въ водѣ, какъ въ зеркалѣ; кругомъ полная тишина.

Мы уже заснули, когда люди наши пристали къ берегу, близъ своей деревни. Гаврилы, какъ женатые, побывали въ своихъ семьяхъ, и жены на утро пришли проводить ихъ. Запасшись молокомъ, мы тронулись дальше и скоро вышли въ Двипу; палѣво виднѣлась церковь села Котласъ — того самаго, къ которому ведутъ теперь желѣзную дорогу изъ Вятки, вправо — песчаая отмель, на которой впервые послѣ половодья рыбаки начали неводить рыбу.

Оставивши спать нашу малютку, мы выѣхали на малепькой лодочкѣ на берегъ, чтобы закинуть неводъ на счастье: уловъ оказался неважный — одна порядочная нельма, остальное все мелочь.

Какъ-то въ Вологдѣ, гдѣ я покупалъ и посылалъ въ Москву извѣстныхъ нельмъ изъ Кубенскаго озера, меня увѣрили, что нельма — жепскій полъ сига. Здѣсь рыбаки оспорили это мнѣніе: разница между нельмой и сигомъ хоть небольшая, но есть — у одной нижняя губа покороче, чѣмъ у другой.

При насъ они вытащили изъ садка много большихъ нельмъ и щукъ и тутъ же на песокъ всѣхъ перебили: легкій ударъ камнемъ по головѣ живо

прикончилъ первыхъ, но шукъ пришлось ударить не одинъ разъ и покрѣпче, чтобы заставить ихъ разстаться съ жизнью.

Бьютъ рыбу потому, что сонную легче доставлять, а въ продажѣ живая рыба имѣетъ почти ту же цѣну, что и сонная. Рыбу, обложенную снѣгомъ, возятъ въ Устюгъ, въ 60-ти верстахъ, куда требуется ея много и гдѣ платятъ хорошо; возятъ и въ Сольвычегодскъ, но тамъ народъ побѣднѣе и платятъ меньше.

Мы хотѣли купить семгу, чтобы полакомиться ею и въ свѣжемъ видѣ и подсоленною, но здѣсь подходящей не оказалось: были все рыбы фунтовъ на тридцать, па сорокъ — слишкомъ много для насъ. «Есть, говорили, хорошенькая рыбка, какая вамъ пужна, фунтовъ на 17—18, у одного мужика, вотъ тутъ близко въ садкѣ, да его-то самого нѣтъ — нельзя продать».

Изъ садка же мы купили нельму побольше, отъ 3—4 фунтовъ вѣсу, заплатили пятьдесятъ копеекъ и поѣхали дальше; тамъ, по словамъ нашихъ людей, рыбачили восемь или десять неводовъ и мы могли надѣяться достать всякую рыбу.

Вышло иначе: спустившись въ каюту, я проглядѣлъ какъ мямля рулевой, вмѣсто того, чтобы держаться навѣтренной стороны рѣки, быстро спустился на подвѣтренную, гдѣ насъ прижало въ маленькій заливчикъ, и выбраться изъ него, несмотря на всѣ усилія, не удалось. Пришлось вооружиться терпѣніемъ, крѣпко притануться къ берегу и ждать пока

стихнеть или переменить направление вѣтеръ. Досаднѣе всего было то, что въ этомъ мѣстѣ, еще закрытомъ островкомъ, мы были не видны проходившимъ мимо пароходамъ, изъ которыхъ Костровскіе должны были привозить нашу корреспонденцію.

Я ѣздилъ на острова посмотреть, пѣтъ ли чего-либо пострѣлять, но тамъ не оказалось ничего, кромѣ самыхъ мелкихъ куликовъ. Ѣздилъ на другой берегъ рѣки, къ шаламамъ рыбаковъ, какъ разъ вытаскивавшихъ огромный неводъ, но и тутъ уловъ оказался ничтожнымъ: нѣсколько окуней и разная мелочь. Конечно, вода еще высока и погода неспокойна, но все-таки ловля изъ ряду вонъ плохая. Наши люди, у себя дома тоже рыбацкіе, рассказывали, что у нихъ, какъ разъ въ такую же пору, вытаскивали за одну тоню по 500 лещей; считая среднимъ числомъ по 10 фунтовъ въ лещѣ, всего въсу будетъ около ста двадцати пудовъ! Это бываетъ, правда, не часто, по все-таки бываетъ. Рассказывали также о такомъ характеризующемъ мѣстный народъ случаѣ: разъ одинъ пріѣзжій сговорился закинуть тоню на свое счастье и впередъ заплатилъ за нее мужику полтора рубля, съ тѣмъ, чтобы добыча, сколько бы ея ни было, была его. Неводъ едва вытащилъ всю попавшуюся рыбу, и мужикъ безъ церемоніи отказался отъ уговора — жирно, дескать, будетъ за полтора-то рубля!

Въ шалахахъ, у которыхъ я остановился, жило много рыбаковъ; шалашики эти устроены изъ ивовыхъ вѣтвей, и прикрыты съ сѣверной стороны, отъ холодныхъ

Зырянинъ.